

Старшая школа №6 славилась жесткими стандартами обучения. Оценки здесь возводили в абсолютизм, а к системе поощрений и взысканий относились с маниакальной серьезностью.

Когда стали известны результаты первого ежемесячного экзамена, портрет Чжоу Ай вывесили на самом видном месте — на стенде между двумя учебными корпусами. Под фотографией красовались его баллы, граничащие с абсолютным максимумом.

Признание пришло само собой. Имя Чжоу Ай заиграло во всех школьных разговорах, превратив его в объект всеобщего любопытства. Дошло до того, что ученики из параллельных классов специально делали крюк мимо дверей Класа 1, чтобы просто поглазеть на него. И даже признания в любви не заставили себя ждать, хотя способ, которым до него дошло первое любовное послание, оказался весьма далеким от романтики.

В среду во время утренней перемены Чжоу Ай вызвали в учительскую. На рабочем столе классного руководителя, учителя Циня, лежали два аккуратно сложенных листка нежно-зеленой бумаги.

Сцепив пальцы в замок, учитель Цинь заговорил мягко, но иносказательно:

— Чжоу Ай, когда в начале семестра родители привели тебя ко мне, я с первого взгляда понял: ты из тех учеников, которые не станут доставлять хлопот.

Очевидно, делая скидку на физическую немоту юноши, педагог отбросил привычную строгость. В его интонациях сквозило искреннее участие:

— Ты парень умный, сам прекрасно понимаешь, чему сейчас время, а чему нет. Вы еще молоды, впереди у вас целая жизнь и море возможностей. Не хотелось бы, чтобы подобные глупости отвлекали тебя от главного. Мы все возлагаем на тебя огромные надежды.

Он протянул сложенные листки Чжоу Ай. Тот молча, без малейшего изменения в лице, едва заметно кивнул.

— Ты хороший мальчик, лишние слова ни к чему, — удовлетворенно вздохнул учитель Цинь. — Я верю тебе. Возвращайся в класс.

Бумага в руках Чжоу Ай была плотной и гладкой — деликатный, продуманный выбор влюбленной девушки. Но в глаза бросалась одна странность: у письма не было конверта.

Чжоу Ай не стал разворачивать послание и даже не скользнул взглядом по строчкам. Однако стоило ему переступить порог класса, как содержание письма бесцеремонно обрушилось на него само.

Ху Чэн, вечно поддакивавший Цзян Вэньи, нагло уселся прямо на парту. Держа в руках

ксерокопию письма, он на всю аудиторию, пародируя женский голос, декламировал:

— «Дорогой одноклассник Чжоу Ай, здравствуй. Признаюсь честно, я двое суток просидела над чистым листом бумаги, прежде чем набралась смелости написать тебе...»

Класс покотился со смеху. Ху Чэн, поощряемый реакцией, взмахнул листком:

— «Для меня ты словно облако в поднебесье — чистый, далекий, тот, к кому я никогда не смогу прикоснуться...» Ха-ха-ха! Слыхали? Похоже, у нашей Немой принцессы появилось новое погоняло. Как вам Брат Облако? Или Брат Белое Облако? Бля, я сейчас сдохну со смеху!

— «В этом первом письме мне хочется быть предельно искренней. Я знаю о твоих особенностях. Когда я впервые услышала об этом, мне стало так больно... Но потом я снова посмотрела на твою фотографию и поняла: то, из-за чего другие вздыхают с жалостью, тебя сломить не сможет...» Тьфу, ну и сопли! Ладно, это пропустим, давайте сразу к делу.

Ху Чэн перевернул страницу под улюлюканье толпы:

— «На самом деле я ужасная болтушка. И если бы мы познакомились или подружились, я бы, наверное, без умолку трещала обо всем на свете. Ведь общение между людьми — это не только слова...» О, Чжоу Ай! А вот и наш герой! Как раз вовремя — твоя почта, слог просто улет, я прямо разрыдался от нежности!

Оскалившись, Ху Чэн уставился на дверь.

Чжоу Ай неподвижно стоял в проеме. Класс содрогался от откровенного, злобного гогота. Десятки глаз впились в него в предвкушении зрелища.

Его феноменального успеха на экзаменах никто не ожидал, и это лишь подлило масла в огонь. Сверстники не собирались принимать его. Зависть — старая, как мир, болезнь, особенно когда на вершине почета оказывается Чжоу Ай — хмурый, замкнутый немой калека, которого они так дружно пытались выжить из коллектива.

Солнечный свет скользнул по косяку двери, и фигура Чжоу Ай медленно погрузилась в тень.

— Я же еще не дочитал! — издевательски протянул Ху Чэн. — Эй, немой, радоваться надо, девка по тебе сохнет! Давай поглядим, кто у нас тут такая отчаянная, раз позарилась на нашего великого отличника. Так, из Класса 5, Сун...

Закончить фразу он не успел.

Чжоу Ай рванулся вперед. Его правая рука мертвой хваткой сомкнулась на горле Ху Чэна и с

оглушительным стуком впечатала его затылком в парту.

До сих пор в представлении одноклассников Чжоу Ай оставался существом не просто нелюдимым, но и абсолютно бесхребетным. Щуплый, вечно молчаливый парень из самого дальнего угла, сливающийся со стенами в тени чужого высокомерия. Он игнорировал любые попытки заговорить с ним, но и на издевки, шуточки и откровенный бойкот никак не реагировал. Все привыкли думать, что этого калеку можно пинать безнаказанно.

Поэтому, когда Чжоу Ай спокойным шагом направился к парте Ху Чэна, никто в классе даже не заподозрил неладное.

Он не замедлил шаг ни на долю секунды. Резкое, выверенное движение — и его ладонь намертво перекрыла дыхание Ху Чэну, вбивая его тело в деревянную столешницу. Ху Чэн, крепкий, рослый парень и спортивный организатор класса, почему-то не смог даже пошевелиться, не говоря уже о том, чтобы разжать эти мертвенно-бледные пальцы.

Перед броском Чжоу Ай хладнокровно выбрал позицию: его широкая спина идеально загородила обзор камере видеонаблюдения, висевшей под потолком у доски.

Вокруг взвизгнули. Загрохотали парты, с сухим стуком повалились стулья. Ху Чэн захрипел, зажатый железными тисками. Его лицо мгновенно налилось жуткой синевой, вены на лбу вздулись багровыми жгутами, рот судорожно открывался, а глаза начали закатываться. Одноклассники бросились к ним, пытаясь оторвать Чжоу Ай от жертвы.

Но тот держал мертвой хваткой. Скользящая ткань школьной куртки проскальзывала в чужих пальцах, и оттащить его не удавалось.

Это не было обычной школьной потасовкой. Чжоу Ай не собирался обмениваться ударами или кататься по полу. Он просто перекрыл кислород. Перекрыл с таким ледяным спокойствием, словно твердо вознамерился оборвать эту жизнь здесь и сейчас.

Чжоу Ай стоял, слегка наклонив голову, с пугающе безразличным лицом наблюдая за жалкими конвульсиями под своими пальцами. Ху Чэн уже балансировал на грани беспамятства. Черные, бездонные глаза стоявшего над ним парня казались затягивающим омутом, неумолимо влекущим его в бездну.

Вокруг орали, требуя немедленно прекратить:

— Да отпусти ты его! Свихнулся?! Чжоу Ай, хорош!

Какая-то девчонка, сорвавшись на рыдания, истошно завизжала:

— Чжоу Ай, ты же убьешь его! Где староста?! Зовите учителя Циня, скорее! Чжоу Ай с ума

сошел!

С ледяным, неестественным хладнокровием Чжоу Ай именно в эту секунду разжал пальцы, позволяя наконец оттащить себя в сторону.

Ху Чэн судорожно хватал ртом воздух, растирая багровые следы на шее. Кое-как приподнявшись на локтях, он зашелся хриплым, раздирающим грудь кашлем. Одноклассники торопливо выстроили между ними живую стену. Чжоу Ай равнодушно наклонился, подобрал упавший на пол листок с копией письма и направился к выходу.

У самых дверей дорогу ему преградил испуганный одноклассник:

— Чжоу Ай... ты куда?

Юноша скользнул по нему взглядом. На его лице не отразилось ни единой эмоции, словно секунду назад он не держал в кулаке чужую жизнь.

Парень невольно отшатнулся на шаг:

— Что... что ты задумал?

Чжоу Ай замер на мгновение, словно о чем-то вспомнив. Пошарив в кармане брюк, он извлек несколько крупных купюр, бесцеремонно сунул их опешившему парню и вышел в коридор.

Тот долго разглядывал зажатые в ладони банкноты, прежде чем повернуться к Ху Чэну, который все еще никак не мог откашляться:

— Слышь, Ху Чэн... Чжоу Ай тебе на лекарства оставил.

Лицо Ху Чэна было мокрым от слез удушья. Уставившись на красные купюры, он злобно оскалился и прохрипел сквозь кашель:

— Тварь... Сука, я его уничтожу.

Чжоу Ай направился напрямик в мужской туалет. Чужое тепло и испарина, оставшиеся на коже, вызывали у него глубокое, почти физическое омерзение.

Ледяная вода хлестала по ладоням, смывая грязь, пока пальцы не онемели от холода. Чжоу Ай завороченно смотрел на свои руки. Ему казалось, что бешеная, паническая пульсация крови Ху Чэна всё еще бьется в его ладони, цепляясь за жизнь. Это ощущение въелось под кожу, и смыть его простой водой было невозможно.

Взглянув в зеркало, Чжоу Ай медленно поднял эту ледяную руку и сомкнул пальцы на собственном горле. Кожа мгновенно отозвалась колючим холодом, а под ней затрепетала сонная артерия. Глядя себе в глаза через стекло, он начал медленно сжимать ладонь.

Резкий, дребезжащий звонок над головой выдернул его из оцепенения. Чжоу Ай судорожно вздохнул и опустил руку. Опершись на раковину, он пытался восстановить дыхание, пока из коридора доносился зычный голос старосты, созывающей всех на стадион — следующим уроком была физкультура.

В середине урока, когда объявили свободное время, Чжоу Ай перемахнул через невысокий забор и ушел на холм за школой. Он уже бывал здесь утром, и хотя сейчас у него не было с собой лакомств, местные бродячие кошки и собаки мгновенно сбежались на звук шагов, лапаясь к его ногам.

Ему нужно было лишь одно — тихое место, чтобы покурить. Сизый дым обжигал легкие, принося блаженную анестезию: разум затихал, а тело приятно немело. Он обожал эту кратковременную иллюзию покоя.

Иногда Чжоу Ай всерьез задумывался:

«Почему я не могу стать обычной марионеткой? Без мыслей, без эмоций... Куклой на ниточках, которой можно управлять. Для всех это было бы идеальным исходом».

Задний склон холма упирался в школьную баскетбольную площадку. Стояло погожее предполуденное время, и из-за стены то и дело доносились залиvistые трели судейских свистков, крики и восторженный гул болельщиков.

Тонкая кирпичная кладка разделяла два параллельных мира: там бушевала жизнь, здесь царил глухое безмолвие.

Прислонившись к прохладному кирпичу, Чжоу Ай сидел в густой тени стены и безучастно наблюдал, как тонкая струйка дыма тает в воздухе.

Стена была слишком тонкой, чтобы заглушить доносившиеся с той стороны голоса.

— Ну ты сегодня и зверь, Брат Сюнь-эр! — восторженно заорал кто-то.

Чжоу Ай прикрыл глаза, зажав горький дым в легких.

«Какое нелепое совпадение».

Веки его вздрогнули. Как, черт возьми, мир может быть настолько тесен?

Последующий ответ лишь подтвердил догадку:

— Отвяжись. Руки убрал.

Голос Чэнь Сюньфэна звучал тяжело, с прерывистым дыханием после игры, но в нем отчетливо слышалось его фирменное, ленивое пренебрежение.

В памяти Чжоу Ай вдруг всплыл образ маленького Чэнь Сюньфэна. В детстве тот вечно дрался, его лицо редко бывало без ссадин и синяков. И вот такой, взъерошенный и побитый, он каждый день упрямо увязывался за ним, мертвой хваткой вцеплялся в ладонь и болтал без умолку.

Окружающие косились на них как на сумасшедших. Один — ходячий пороховой погреб, готовый вспыхнуть от любой искры так, что взрослые растащить не могли. Другой — бездонное Мертвое море, из которого невозможно было вытянуть ни звука, ни единой ответной реакции.

— Что ты сейчас вякнул? — в ледяном тоне Чэнь Сюньфэна проскользнули опасные нотки. Чжоу Ай всегда безошибочно распознавал эту интонацию.

Нахмурившись, он затушил окурок о кирпич и собрался уходить.

Но из-за стены донесся робкий, оправдывающийся голос какого-то парня:

— Да я просто говорю... Какая разница, сколько у него баллов и какое лицо, если он обычный немой... Ай!

Жалкий писк оборвался оглушительным, тяжелым ударом. У Чжоу Ай даже сердце на мгновение пропустило удар. Послышался звонкий, упругий стук отскочившего от земли баскетбольного мяча.

Следом раздался панический вопль Цзян Чуаня:

— Твою мать, Брат Сюнь, остынь! Не надо! Ты только вчера парня отделал, у тебя еще дисциплинарный срок не кончился! Не смей драться, на нас же вся школа смотрит!

Мяч перестал прыгать — его, похоже, кто-то перехватил. Чэнь Сюньфэн стоял чуть поодаль, но Чжоу Ай отчетливо расслышал его глухой, лишенный всяких эмоций приказ:

— Пасть закрой. Иначе я её закрою.